

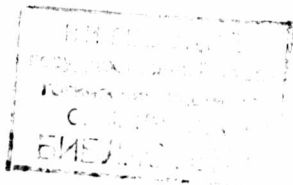
На правах рукописи

ИСТОМИНА
Татьяна Болиславовна

РОМАН Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО
«ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»
В ЕГО СВЯЗЯХ С ДРЕВНЕРУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРОЙ

Специальность № 10.01.01 — русская литература

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Ленинград
1976

ОЗНАКОМИТЕЛЬНЫЙ ФРАГМЕНТ

Работа выполнена на кафедре русской литературы Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена.

Научный руководитель — доктор филологических наук, профессор Я. С. БИЛИНКИС.

Официальные оппоненты

Доктор филологических наук, старший научный сотрудник Л. А. ДМИТРИЕВ.

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Э. М. РУМЯНЦЕВА.

Ведущее учреждение — кафедра русской литературы Воронежского государственного педагогического института.

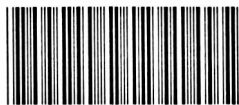
Защита состоится *16 декабря* 1976 г. на заседании Совета по литературе К113.05.05. Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена.
(191186 Ленинград, Наб. реки Мойки, 48, корп. 20, ауд. 215).

Автореферат разослан *9 ноября* 1976 г.

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке института.

Ученый секретарь специализированного совета

(Ю. М. ХОХЛОВ).

20504169

Актуальность проблемы. Проблема «Достоевский и древнерусская литература» стала предметом специального исследования совсем недавно, в начале 70-х годов. Постановка этой проблемы в трудах современных исследователей явилась прямым результатом углубленного изучения связей творчества Достоевского с русской культурой, что составляет важную часть советского достоевсковедения за последние десятилетия.

«Веками накапливается и кристаллизуется народная мысль, — писал А. В. Чичерин, — и образы великого писателя вбирают в себя это прошлое, чтобы сочетать его с поражающим ум и сердце изображением настоящего».¹ Ввести Достоевского в русло русской общекультурной традиции, показать, что в творчестве великого писателя художественно преломился весь ход русской национальной жизни от самых истоков ее возникновения, — чрезвычайно современная задача.

Своевременность постановки указанной выше проблемы объясняется и тем, что в современном мире идет своего рода «борьба» за Достоевского, в которой снова берется на вооружение мистико-религиозная концепция его творчества, созданная в начале века русской символистской критикой.

Д. Мережковский, Вяч. Иванов, В. Розанов и др. находили в романах писателя евангельские мотивы, идеи и образы апокалипсиса и житий святых. Это подкрепляло их выводы о Достоевском как о собственно религиозном мыслителе, ищущем нового религиозного «синтеза». Исследование проблемы «Достоевский и древнерусская литература», которое мы ведем на примере одного романа, уже позволяет утверждать, что отмеченные символистской критикой жанры христианской письменности привлекались писателем лишь постольку, поскольку он находил в них воплощение народных идеалов и верований, сформировавшихся в давние периоды национальной русской жизни и сохранивших свое живое значение в современной писателю действительности. Тем самым еще раз подтверждается справедливость мысли Г. М. Фридендера, что «альфой и омегой» исканий Достоевского

¹ А. В. Чичерин. Ранние предшественники Достоевского — «Достоевский и русские писатели». Сб. статей. М., 1971, с. 372.

Цель и задача исследования состояли в попытке комплексного рассмотрения проблемы «Достоевский и древнерусская литература» на примере романа «Преступление и наказание».

В. Е. Ветловская и В. В. Кусков, в работах которых впервые получила свое практическое обоснование названная выше проблема, обратились к роману «Братья Карамазовы».³ Исследователи нашли там ряд мотивов древнерусской литературы (житий, апокрифов) и фольклора (духовных стихов). Это позволило В. Е. Ветловской придти к верному выводу, что отдельные произведения древнерусской письменности и фольклора можно рассматривать как архаические источники, входящие, наряду с другими, в сложный и многоплановый мир романа Достоевского. К такому же выводу приходит и В. В. Кусков. Сближает рассуждения обоих исследователей мысль, что в древнерусских литературных текстах писатель искал, прежде всего, отражение народного характера, идей и представлений народа. Но они не задаются вопросом, почему Достоевский воспринимал древнерусскую литературу именно под таким «фольклорным» углом зрения, и было ли подобное восприятие и оценка памятников древнерусской письменности чем-то присущим только Достоевскому, или здесь писатель смыкается с другими художниками второй половины XIX века, обращавшимися в своем творчестве к темам, образам и традициям древнерусской литературы.

Невыясненным остается вопрос, составляют ли темы и образы древнерусской литературы особенность поэтического строя лишь последнего романа писателя или древнерусская литературная традиция подсудно проходит через все творчество позднего Достоевского.

Кроме того, проблема «Достоевский и древнерусская литература» несводима к сумме мотивов и образов древнерусской литературы в художественной структуре романов, хотя этот момент существенно важен для разрешения ее. Вопрос о связях писателя с древней литературой можно объединить, на наш взгляд, с вопросом о жанровом своеобразии его романов.

² Г. М. Фридлендер. Достоевский в современном мире. — В кн. «Достоевский. Материалы и исследования». Т. I. Л., 1974, с. 24.

³ См. В. Е. Ветловская. Литературные и фольклорные источники «Братьев Карамазовых» (Житие Алексея — человека Божия и духовный стих о нем) — «Достоевский и русские писатели». М., 1971, с. 325—354. Ее же. «Достоевский и поэтический мир Древней Руси» — ТОДРЛ, т. XXVIII. Л., 1974, с. 296—307;

В. В. Кусков. Мотивы древнерусской литературы в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» — «Вестник Московского университета» сер. 10, Филология, 1971, № 5, с. 22—28.

ОЗНАКОМИТЕЛЬНЫЙ ФРАГМЕНТ

«Преступление и наказание» — первый роман в «генеральном пятикнижии» (термин А. С. Долинина) Достоевского. Он образует, как справедливо отмечал В. В. Кожин, своего рода «центр» творчества писателя, где органически соединяются стихии «Бедных людей» и «Братьев Карамазовых». ⁴ В «Преступлении и наказании» полно представлены те «наболевшие» вопросы, которые получили свое дальнейшее бытие у позднего Достоевского: вопрос о нравственной природе современного человека; анализ путей, на каких может быть достигнуто нравственное единение современного общества; вопрос о допустимости бунта как средства разрешения трагических противоречий жизни, о вере и безверии и т. д. Кроме того (и это также точно отметил В. В. Кожин), жанровое своеобразие романа Достоевского наиболее отчетливо дает себя знать именно в художественной структуре «Преступления и наказания».

Исследователи находили в романе творческие переключки с Шиллером, Бальзаком, Гёте, Пушкиным, творческую полемику с идеями Ницше, Штирнера, Шопенгауэра...

Научная новизна предлагаемого исследования заключается в том, что оно расширяет представление о творческих контактах Достоевского, нашедших отражение на страницах романа. Жизнь древнерусской литературной традиции в художественном строе «Преступления и наказания» позволяет по-новому поставить вопрос о жанровых истоках романа Достоевского. Помимо этого, здесь намечается еще один путь исследования утопического идеала писателя и форм его художественного воплощения. Изучение нашей темы позволяет также дать определенный ответ на вопрос о формах выражения авторского сознания и позиции автора в «полифоническом» строе романов Достоевского.

Апробация работы. Работа апробирована в четырех публикациях (список приведен в конце реферата). Общий объем публикаций 2 п/л. Кроме того, по материалу и проблемам диссертации принята к печати еще одна статья: «Социальная утопия Достоевского и «Земной рай» древнерусской литературы» (сб. «Пути русской прозы». Издательство Ленинградского пединститута им. А. И. Герцена). По теме диссертации было прочитано 4 доклада, три из них — ежегодно проводимых в Ленинградском пединституте им. А. И. Герцена «Герценовских чтениях» и один — на Всесоюзной конференции «Достоевский и мировая культура», проведенной музеем Достоевского в Ленинграде в 1975 году.

⁴ В. В. Кожин. Роман — эпос нового времени. В кн. Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. Т. II «Роды и жанры литературы». М., 1964.

ОЗНАКОМИТЕЛЬНЫЙ ФРАГМЕНТ

Общий объем основного корпуса текста — 196 страниц. Библиография содержит 232 заглавия.

Основное содержание работы

Во введении кратко определяются актуальность избранной темы, цель и задачи реферируемой работы, основные выводы, которые удалось получить в ходе исследования.

Первая глава, «Древнерусская литература в сознании Достоевского 60-х годов», состоит из двух частей.

В первой части рассматривается роль древнерусской культуры в общественной и литературной жизни 60-х годов.

Известно, что эти годы в истории России — одновременно самый «драматический» и самый «эпический» момент. Ищется новый синтез национального и народного, личностного и общего, поиски его идут и через обращение к конкретному историческому опыту жизни народной, к истокам национальной культуры.

Появляется множество публикаций⁵ и исследований⁶ памятников древнерусской литературы и фольклора. Вопросам, связанным с культурой, бытом и литературой Древней Руси, отводят значительное место такие широко известные журналы, как «Современник», «Отечественные записки», «Русское слово», «Русский вестник» и др. Если сравнить журнальные статьи и рецензии конца 50-х — середины 60-х годов с предшествующими, то можно увидеть несомненный рост интереса к древнерусской литературе, которая перестала быть для русского общества только археологической областью, но в которой стали искать отражение народного сознания, начала русской «народности».

Такой взгляд на древнерусскую литературу впервые выявил себя в трудах представителей «новой филологической школы» (в истории литературоведения получившей название историко-культурной) — Ф. И. Буслаева, Н. С. Тихонравова, А. Н. Пыпина. Неотъемлемой заслугой ученых-филологов 60-х годов было то, что они впервые без славянофильского предвзятого подхода к родной старине и древней литературе поставили вопрос о народной основе многих ее памятников, о национальном своеобразии ее эстетических принципов. Они разрушили мнение о господстве церковности в древнерусской литературе, обнаружив под устойчивым каноном жития или

⁵ «Памятники старинной русской литературы». Изд. гр. Кушелева-Безбородко, под ред. Н. Костомарова. Вып. 1—4. Спб., 1861—1862; «Памятники отечественной русской литературы под редакц. Н. Тихонравова, т. I—II, М., 1863; Народные русские легенды, собранные А. Афанасьевым. М., 1860. «Калики перехожие». Сб. стихов и исследование П. Бессонова, т. I. М., 1861, т. II, М., 1863, и т. д.

⁶ Ф. И. Буслаев. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1—2, Спб., 1861; А. Н. Пыпин. «Из истории старинных повестей и сказок русских». М., 1857 и т. д.

ОЗНАКОМИТЕЛЬНЫЙ ФРАГМЕНТ
летописца, сказки, истиннонародной и вымышленной христианской окраской легенды, апокрифа, духовного стиха — народные этические представления. И, наконец, они обратили внимание всей читающей публики на древнюю литературу, указав в ней «истоки русской народности», те начальные основы народного характера, установление которых становилось настоящей потребностью в середине XIX века.

Вполне естественно, что в условиях 60-х годов труды «новой филологической школы» выходили за пределы только научной мысли, становясь предметом обсуждений и споров в широкой общественной среде. Пример тому — две рецензии на исследования Ф. И. Буслаева о русской старине, помещенные в «Современнике» и «Русской беседе»⁷ и отразившие всю сложность отношения к древнерусской литературе в 60-е годы прошлого века, принципиальную разницу в подходе к ней со стороны демократического и славянофильского лагерей. Освоение древнерусской литературы становилось частью того «демократического народоведения» и «художественного народознания», которое составляло своего рода «стиль эпохи» во второй половине XIX века.⁸

На 60-е годы падает расцвет исторической драмы в полупушкинский период. Драматурги, каждый по-своему воссоздавая на страницах своих произведений картины древней Руси, искали там ответ на злободневнейшие вопросы современности: в чем истинный разум, истинная сила русской жизни и что породило существующие и сейчас трагические противоречия, в чем сущность русской народности и каковы истоки национального характера.

У писателей-романистов 60-х годов — Толстого, Достоевского, Лескова — общение к культуре Древней Руси, к памятникам древнерусской письменности диктовалось, в первую очередь, стремлением проникнуть в народный характер. Народ привлекал их не только как обездоленная, социально бесправная часть общества, но, прежде всего, как носитель национального предания, как могучая сила, которая может в корне изменить жизнь нации. Национальная жизнь России, — одинаково считали Толстой, Лесков, Достоевский, — может строиться, лишь сообразуясь с народными идеалами и верованиями. Вполне естественно, что древнерусская литература входила в сознание этих художников под неким фольклорным углом зрения. Л. Н. Толстой к «народной литературе» относил как фольклорные произведения (былины, сказки), так и произведения общехристианской письменности (сборники духовно-нравственного содержания, жития русских и других православных святых, апокрифические сочинения).

⁷ См. «Русская беседа», 1857, кн. 8, т. 4, с. 81—105 и «Современник», 1861, т. 85, № 1, с. 1—44.

⁸ См. В. Г. Базанов. От фольклора к народной книге. Л., 1973, с. 72.

за рубежом и на русскую литературу, оказавшее влияние на формирование его нравственных представлений. Н. С. Лесков неоднократно подчеркивал высокую ценность русских житий, где воплотился, по его мнению, этический идеал народа. Темы и образы древнерусской литературы получали вторую жизнь в художественных созданиях этих писателей.

Во второй части первой главы рассматриваются взгляды Достоевского на народную культуру и древнерусскую литературу.

Для Достоевского произведения древнерусской письменности являлись прямым выражением духовной культуры простого народа, своеобразно понятой как культура христианская. Истинную сущность христианского учения, считал писатель, народ почерпнул не из богослужебных книг и проповедей, а «выжил» всей своей исторической жизнью. «Главная школа христианства, которую прошел он (народ — Т. И.), — настаивал художник в «Дневнике писателя», — это века бесчисленных и бесконечных мучений, им вынесенных в свою историю, когда он, оставленный всеми, попранный всеми и работавший на всех и вся, оставался только с Христом-утешителем, которого и принял тогда в свою душу навеки и который зато спас от отчаяния его душу».⁹ «Сердечно понятое» «народное» христианство, таким образом, превращалось у писателя из религиозного учения о мире и боге («Молитв он (народ — Т. И.) не знает и не выдержит экзамен из катехизиса»)¹⁰ в некую систему нравственных представлений, самостоятельно выработанных народом.

Во всех проявлениях творческой фантазии народа писатель выделял христианский аспект. Цикл былин об Илье Муромце, например, он называет «житием», а сам былинный герой предстает в трактовке писателя как богатырь-смирнник. В легендах, создаваемых народом, художник всегда находил, что «слабый и приниженный, напрасно ради Христа терпящий будет вознесен превыше богатых и знатных, когда раздастся суд и веление божие».¹¹ Даже в героях русских сказок Достоевский видел отражение народно-христианского идеала.

Народное христианство, по мысли писателя, базировалось не столько на «священных книгах», сколько на вольной интерпретации их, отраженной в апокрифах, отдельных житиях, а в фольклоре — в духовных стихах. Особенной популярностью в народной среде пользовалась житийная лите-

⁹ Ф. М. Достоевский. Полное собрание художественных произведений, Тт. 1—13, под редакц. Б. В. Томашевского, т. XII, М.—Л., 1927, с. 393.

¹⁰ Там же, с. 393.

¹¹ Ф. М. Достоевский. Полное собрание художественных произведений, ред. Б. В. Томашевского, т. XII, с. 71.

ОЗНАКОМИТЕЛЬНЫЙ ФРАГМЕНТ

ратура. Облики христианских подвижников, замечательные в житиях, являли собой для Достоевского исторические и нравственные идеалы народа.

Определяя духовную культуру простого народа, как культуру христианскую, истоки ее писатель видел в Древней Руси.

Нравственным стержнем или основанием, на котором строились общественные отношения в древней Руси, Достоевский считал «истинное» христианство. С петровской реформы осуществился выход России ко всему человечеству, к мировой культуре. Но, приобщившись к этой культуре и цивилизации, русские «духовные скитальцы», по Достоевскому, далеко отошли от народной правды и веры. Простой же народ, сохранив «истинно христианскую идею», унаследовал, таким образом, и древнюю общерусскую культуру. Произведения древней письменности и фольклора продолжали жить в народной среде как священный «наказ» предков, следуя которому, только и можно сохранить в нетленной чистоте свою душу. Поэтому они не были литературой давно прошедшей эпохи, а, являясь прямым воплощением непреходящих нравственных идеалов народа, составляли неотъемлемую часть современной писателю культуры.

В XI—XVII веках, по Достоевскому, не только складывалось русское государство, но и формировалась русская нация, закладывались основы национального характера. В ходе исторической жизни народ и образованное общество далеко разошлись между собой, и тем ценнее было для писателя обнаружить в памятниках древней письменности и фольклора те начала, которые уцелели в течение веков, жили не только в народном характере, но давали о себе знать и в современном образованном человеке. Достоевский был убежден в действии особого закона непрерывности, целостности духовной жизни нации и всего человечества. В «Преступлении и наказании» в облике Сони угадываются черты святой-великомученицы, в судьбе Раскольникова — отголоски народных представлений о пути, которым можно выйти к подвижничеству. В тексте романа можно найти следы отдельных апокрифических произведений, легенд, духовных стихов, древних обрядовых представлений.

«Народная литература», к которой Достоевский относил произведения древней письменности и фольклора, проникнутые «истинно христианским» духом, ничего общего не имеющим с ортодоксальным, «церковным христианством», в очень сложной, опосредованной форме входила в художественную ткань романа, освещая события и лица дополнительным светом, идущим от старины и предания, преобразуя и от себя «дисгармонию», «неблагообразие» изображаемой действительности в художественную завершенность и гармонию.

христианских апокрифов и легенд о «далеких землях» (он находится за рекой, являет собой мир, залитый солнцем, путь к нему был труден и долг, люди, населяющие этот неведомый мир, «совсем не похожи на здешних»).

Развернутой картиной этого рая является образ «Далёкой планеты» в «Сне смешного человека». Главное в героях обоих произведений — непосредственное чувство жизни и любви, вопреки сложившемуся убеждению в чуждости мира и конечности его. Внушенная самому себе мысль, что человеку, стоящему над толпой, безразличны ее страдания, придет к Раскольникову уже **после** того, как он отдаст последние деньги девочке на бульваре. Смешному человеку «все равно» не только существование «людского муравейника», а и целого мира. Но образ страдающей девочки не покидает героя ни на секунду. «Я ее очень полюбил... до какой-то даже странной боли и совсем невероятной в моем положении».³⁰ Лишь навеки заключив ребенка с его страданием в свое сердце, пережив ее беду как свою и тем самым сделавшись «братом» другому, получает «смешной человек» дар провидения будущего братства.

Любовь к людям, смешанная с презрением к ним, породила и преступление Раскольникова, и мысль о самоубийстве у «смешного человека». Но, очистившись, она привела обоих к конечному их просветлению.

Нельзя согласиться с мыслью Л. Погожевой, что в «Сне смешного человека» утопический идеал Достоевского приобретает реакционные черты царства Божия».³¹ Строя свой идеал «Вселенской церкви» как «великого, всеобщего, всенародного, всебратского единения во имя Христова»,³² Достоевский искал опору в особенностях народной жизни патриархальной России.

Общие выводы

Древнерусская литература была для Достоевского прямым выражением духовной культуры народа. Ее темы и образы имели, в его представлении, «вневременной», вечный смысл.

Такая концепция древнерусской литературы сложилась у писателя в 60-е годы, так как именно в этот период происходит в русской культуре нового времени своего рода «открытие» древнерусской литературы.

³⁰ Ф. М. Достоевский. Собр. соч. в 10 т., т. 10, М., 1958, с. 451.

³¹ Л. Погожева. Мечта Достоевского о «золотом веке». «Красная Новь», 1941, № 2, с. 177.

³² Ф. М. Достоевский. Полное собр. художественных произведений в 13 т., т. 12, с. 436.

ОЗНАКОМИТЕЛЬНЫЙ ФРАГМЕНТ

Эпический строй романа «Преступления и наказания» несет в себе многое от «христианизированного литературного эпоса» — житий, хотя никак этим не исчерпывается.

В структуре «Преступления и наказания» явно присутствуют следы не только житийных или апокрифических памятников, но и социально-утопических легенд, духовных стихов, обрядов. Привнесение в роман житийных или апокрифических ассоциаций четко выявляет в его полифонии авторскую позицию писателя, ее соотносимость с голосом народной нравственности.

Образ «земного рая», в который воплотилась социальная утопия Достоевского, впервые получает свое художественное воплощение не в «Подростке» (как полагают многие исследователи), а в «Преступлении и наказании». Этот образ несет в себе многое от народных представлений об идеальном человеческом общежитии. Развернутая картина «земного рая» дана в «Сне смешного человека», с которым анализируемый роман органически связан.

Основные положения диссертации отражены в следующих работах:

1. О некоторых истоках символики цвета в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». — Литературоведение. Научные доклады. (XXVII Герценовские чтения). Л., 1975.
 2. Об одной из форм прямого выражения позиции автора в романах Ф. М. Достоевского. — Литературоведение. Научные доклады. (XXVIII Герценовские чтения). Л., 1976.
 3. Образ Раскольникова в свете житийных и апокрифических ассоциаций. — «Проблемы реализма». Вып. III, Вологда, 1976.
 4. О некоторых мотивах древнерусской литературы в романах Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого 60-х годов. — «Л. Н. Толстой и русская литература, IX». Горький, 1976.
-